

Жить бы да жить в таком райском месте, но не проводят капитальную дорогу от Енисейска на север. Есть маленькая речушка с топкими берегами ниже районного центра километров на сто. А построить мост высотой полтора или два метра, достаточной длины, на бетонных сваях и сверху положить бетонные же плиты — и оживёт райский уголок, вернуться многие сбежавшие в городскую цивилизацию. Зимой есть зимник, но пришла весенняя распутица — и на пару месяцев жизнь в деревнях ниже этой речушки замирает. Летом связь по воде, и частники мало-помалу выручают. А где государство могучее и сильное? Где эти финансы с добычи миллионов тонн нефти в крае? Всё растаскивают и распиливают да тащат в забугорные банки, а народ и малая родина подыхай в безденежье да мучениях от безработицы. Кончилось лето — опять бездорожье в осеннюю распутицу, пока морозы не скуют эту злосчастную речушку. А так бегут люди в города, в этот шум, смог и смрад. Едят не своё, а объедки с капиталистического стола. Все хотят комфорта, а о здоровье своём, о детях и внуках не думают. Это всё потом, это всё успеем. Нет, господа, не будет дороги — и не успеете вернуться на малую родину, затянет город, и, может быть, навсегда.

Сколько ни писали люди, сколько ни хлопотали перед районным и краевым начальством, оно как будто глухое и слепое. Целый Енисейский район тихо умирает.

До девяностых годов связь в районе была налажена идеально: летом по реке, а зимой — и вообще круглый год — летали самолёты. С районного центра по два рейса по всем деревням. Летнее судоходство обеспечивало грузовые и пассажирские перевозки. Ходили теплоходы и «Ракеты», не было проблемы приехать в любую деревню. Район разрастался и креп, люди были довольны, жили хорошо.

А как доставлять товары в распутицу? Да никак.

Частники пытаются добиться постройки хорошей дороги, да только воз и ныне там. Без краевого финансирования ничего не изменится. Как не будут бежать люди теперь уже из искусственно созданной глухомани?

По сути, бездорожье — следствие, а причина — казнокрадство. Что ни выше начальство, то выше и коррупция, и все врут, врут, врут. Жалуется народ: нет дороги, жизнь скудеет, нет работы, нет связи с центром. Достают жалобы в какой-то момент начальство. Собирается комиссия на джипах с ресторанной кухней, с поварами да прислугой — девочками.

А казнокрады — народ хитрый и ушлый. Едут, значит, балагурят, что народ вечно недоволен. В пути коньячку примут (так просто, по-деловому, скукотища же, не дай Бог), закусят осетринкой да чёрной икоркой. Пока доедут до проблемных мест, мир да любовь уже нетрезвая расцветает у членов комиссии: анекдоты, разговоры по душам, да всё о бабах толки слащавые идут, анекдоты скабрёзные.

Ушлые представители какой-нибудь строй-шараги этой дороги знают колдовские места, и вся кавалькада неуклонно приближается к ним.

«А что, правда, посмотрим всё-таки, как дорога построенная? Стоп, кобыла!» Вылезут из машин всем гуртом, топчутся, изъяны ищут. А ушлые ответственные шустро складные столики расставляют и оформляют: белые скатёрки, шашлычки, фужеры из хрусталя, прислуга в коротеньких юбочках. Да кострище срочно запалят для созерцания и душевного сугреву.

«И чё народ недоволен? Всё крепко и ровно. Ну и чё, что гравий? Любая машина ходко идти может». — «А давайте по маленькой за благополучный успех в работе!» А потом и по большой, и по пятой хрустальной, и уже: «Ой, мороз, мороз, не морозь меня, не морозь меня, моего коня (то бишь машину)!»

«Деньги освоили?» — «Освоили, освоили!»

Да вся эта церемония с поклонами, и глазки долу опускают. «Ну вот и хорошо, наконец-то достроили. Молодцы!» — «А где бумага? Подписываем?» — «Подписываем, подписываем!» Тяп — подписали и штампик лягнули...

И того, большого, под белы рученьки — и в джипик, а более мелкого под локоточек — и тоже в машинку. Поугодничать, значит, не мешкая, а то кто-нибудь опомнится да решит проверить дальше дорогу, и тут-то откроется очковтирательство.

«Ну, по коням!» И замелькали столбы верстовые в обратную сторону. А пришла весна — и застонал народ: «Доколе над нами издеваться будут???»

И снова письма, жалобы...

Эх, Россия-матушка многострадальная! А у начальства где совесть была — что-то другое выросло. Так и мается деревенский житель с тех пор, как перестройка ликвидировала малую авиацию, а аэродромы заросли мелкоколесьем. Вертолёты — вещь дорогая, экзотическая, для крестьянина и труженика деревни не по карману.

Енисей до перестройки стонал от судов всех видов: грузовых пароходов, самоходок, круизных лайнеров, «Ракет» и «Метеоров». Сейчас стоят иногда у причала речного вокзала Красноярска три старых теплохода, и непонятно, возят они пассажиров до Севера или нет. Здание речного вокзала отдано под бизнес торгашам черноглазым.

Всё перестройка уничтожила, доперестраивались! И при таком отношении скоро последние деревни исчезнут на берегах Енисея.

Знал Запад, как ударить по России больно и безошибочно на уничтожение. Деревня — это культура России, старина и память исконного языка; кроме того, поставляла рабочую силу городам, заводам. Теперь в деревне рожают одного-двух детей, нет прироста населения. До революции жителей в селе Назимово насчитывалось до полутора тысяч человек, а в году — двести человек с натяжкой. Вот вам, господа, и перестройка.

Доколе всё это будет длиться???

Нет, господа новожители городов, уже не вернётесь вы в родную обитель, к матушке-природе. Учитесь у известного всем Германа Стерлигова жить по старинке, и тогда поднимется Россия снова, станет могучей, многодетной и непобедимой.